

Владимир
МАМАЕВ

ЗЕМЛЯНКА

СТИХИ

84p6k
M22

Владимир МАМАЕВ

ЗЕМЛЯНКА

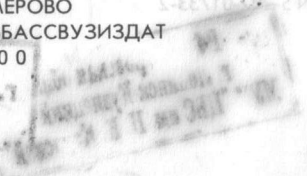

СТИХИ

(1960—1995 гг.)

КЕМЕРОВО
КУЗБАССВУЗИЗДАТ
2000

ББК 84 3Р7

М22

Владимир Мамаев

Мамаев В. М.

М22 Землянка: Стихи (1960—1995 гг.) — Кемерово: Кузбассвузиздат. — 72 с.

ISBN 5-202-01733-2.

Эта небольшая книжечка Владимира Мамаева — этап в жизни недавно ушедшего от нас поэта. Этап, вероятно, для него самый сложный, многотрудный, определяющий его жизненное и поэтическое кредо. Имя его — война. Это незаживающая боль солдата, той страшной войны.

67114(2) ✓

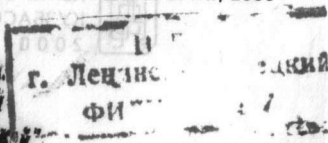
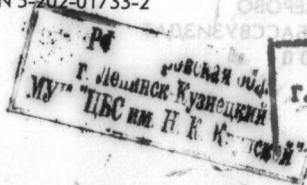
М 4702010202
Т45(03)-2000

Без объявл.

ББК 84 3Р7

ISBN 5-202-01733-2

© Мамаев В. М., 2000

ОН РОДИЛСЯ В ПЛАМЕНИ, В ПОРОХОВОМ ДЫМУ...

Дружбе нашей не одно десятилетие. Как-то в один из вечеров зашел у нас разговор о временах давно минувших, близких к нашему детству. Владимир был старше меня всего на три года, так что в началах наших жизненных дорог, казалось, могло быть много общего. Володино и моего детства коснулась война. Но как коснулась? Очень даже по-разному. И как бы в доказательство этого мой старший товарищ достал с книжной полки небольшой томик с рассказами о детях военного времени, которые стали Героями Советского Союза. К моему удивлению, был в этой книжечке рассказ и о Володе Мамаеве, юном разведчике, сыне полка, военные подвиги которого приравнивались к героизму бесстрашных советских ребятшек, которые посмертно были удостоены самой высокой награды Родины. Володя в этой страшной войне остался жив. Может, потому и не был удостоен звания Героя, хотя боевых наград с той войны он принес предостаточно. Его наградной книжке мог бы позавидовать и самый бывалый солдат. А ведь войну он за-

кончил пятнадцатилетним парнишкой, приняв свой последний бой под Кенигсбергом (ныне Калининград), последней крепостью-цитаделью, которая пала после падения Берлина.

Спустя много лет, уже став профессиональным поэтом, Владимир Мамаев вспомнит об этом в стихотворении «Кенигсберг», посвященном поэту-фронтовику Евгению Буравлеву, получившему тяжелое ранение в бою за взятие этого города-крепости:

Кенигсберг. Сорок пятый.

Помнишь, друг мой, тот бой?

Боль и радость той даты

Не забыть нам с тобой...

У Александра Твардовского есть замечательное, а может быть, лучшее стихотворение о войне – «Я убит подо Ржевом...»

У Владимира Мамаева – прямая перекличка с этим стихом:

Мне о любви бы, о весне,

Да вот беда, не пишется.

Остался я на той войне

Под деревенькой Лышица.

Живой ли, мертвый – не понять.

Накрыло миной-шанежкой...

Наверное, не столь важно, где погиб солдат — подо Ржевом или под небольшой деревенькой Лышицей, их роднит один подвиг, одна память, их, живых и мертвых, память о тех малых и великих кровавых сражениях за мать-Отчизну. Память непроходящая, неистребимая:

Там, под огнем, равны мы были:

И генерал, и рядовой,

Перед народом и Россией,

Как перед матерью родной.

Много людских, в том числе и мальчишеских, судеб покалечила война. Но Владимир Мамаев был достойным сыном полка. Уйдя на фронт двенадцатилетним пареньком, он, конечно, недобрал в образовании, но потом у него хватило сил и характера наверстать упущенное — крепко встать на ноги, создать надежную семью, вырастить хороших детей и внуков. И еще — стать профессиональным поэтом.

Очень непросто ему это далось. Я помню его рабочим человеком. Он трудился тогда машинистом в турбинном цехе Кемеровской ГРЭС. Помню начинающим поэтом, которому с превеликим трудом давалась каждая поэтическая строка. Помню, как он скрипел зубами, когда

его постигала очередная неудача. Помню, как он радовался каждой добротной строке, каждой мало-мальски значимой публикации.

Потом пошли стихи и, наконец, книги, будто выхваченные из боя, из пламени и порохового дыма. Пусть несколько запоздало.

Этот небольшой сборничек стихов поэта, к сожалению, стал посмертным. Володя Мамаев ушел из жизни весной этого года. Кажется, совсем недавно мы, его друзья-писатели, сидели с ним за тесным дружеским столом, говорили и спорили «за жизнь». Володя, обычно возбужденный и темпераментный в споре, на этот раз был какой-то притихший и грустный, будто знал, что это наша последняя, прощальная встреча...

Ушел как солдат, не оставив огневого рубежа. В книге «Землянка» собраны в основном стихи на тему войны. Но есть у поэта крепкие стихи и о мирной жизни, о тревогах, приобретениях и потерях сегодняшнего дня. Эти стихи являются как бы продолжением его многотрудной, честной и достойной судьбы.

Валентин МАХАЛОВ,

член Союза писателей России.

* * *

Наша память — в швы мод в R
не гранит холодный, стэжек N
Не слова, остывшие на нем R..

Поднимает нас она,
как взводный, здесь все яд как светот

И опять в атаку мы идем!

И опять...

Но где же огневые?

Там могилы боевых друзей.

Тишина. Шумят хлеба ржаные,

И стоят плечом к плечу живые

Командармы юности моей.

ЗЕМЛЯНКА

Ступая по мшистым ступеням,
Я в дом наш военный вхожу,
И кажется, замерло время...
Я юности в очи гляжу.

Здесь все для меня как святое:
Растущий у входа цветок,
И ржавая каска с водою,
И петель дверных скрипотов...

Великая мудрость покоя
Беспечна, как детские сны!..
Платили мы страшной ценою
За каждый глоток тишины.

МАКИ

Шел бой,
Бой яростный и жаркий,
А на пригорке, у реки,
На хрупких ножках маки яркие
Тянули к солнцу лепестки.
Каких людей кругом косила
Коса безумия и зла...
Но не было у смерти силы,
Чтоб эти маки сжечь дотла!

Юность, юность!
Где мы не бывали,
По каким дорогам не прошли?
Нас не раз на прочность проверяли,
Как броню — огнем нещадным жгли.
Голодом и холодом косили,
В землю зарывали нас живьем,
На весь мир кричали: «Нет России»,
А Россия есть! А мы живем!..
Только вот душа вся пропиталась
Жгучей болью, гарью фронтовой.
Кто сказал, что все зарубцевалось,
Тот, поверьте, не знаком с войной.
О войне он судит понаслышке,
У меня же с ней особый счет.
Отвалила мне она, мальчишке,
Боли, скорби — на сто лет вперед.
Только я не жалею на боли,
У кого их нет из нас, солдат?
Поле, памяти солдатской поле,
Как неразорвавшийся снаряд...
Вспоминая годы те суровые,
Юность, юность, я горжусь тобой!
В сапоги обутая кирзовые,

Ты прошла дорогой фронтовой.
Мы с тобою тыщи верст оттопали
По земле российской и чужой.
Доводилось, нас хирурги штопали,
Но мы снова возвращались в строй.
И опять с гвардейцами лихими
Версты, как обмотки, я мотал.
Под березами, под вязами чужими
Я друзей хороших оставлял.
Может быть, там нет иobelisks,
Не бывал в той дальней стороне.
Только вас, друзья, как самых

близких

Почитают у меня в родне.
Да ведь вы не знаете, родные,
Приступом мы взяли Кенигсберг.
Отоспались за войну впервые,
Поименно помянули всех.
А когда над миром онемевшим
От крутого горя, бабьих слез
Тишина легла, мы — уцелевшие —
Возвратились в край родных берез.
Плакали на радостях, смеялись
И плясали так, что пыль столбом.
Многих мы тогда недосчитались,
Многие от ран ушли потом...

* * *

Мне о любви бы, о весне,

Да вот беда, не пишется.

Остался я на той войне,

Под деревенькой Лышица.

Живой ли, мертвый —

не понять,

Накрыло миной-шанежкой.

И чудится мне, будто мать

Тихонько кличет:

«Ванюшка...»

И голос трепетный, грудной

Журчит, как заклинание:

«Вставай, Иванушка, родной!

Вставай, ты только раненый»

Но мне не сдвинуться,

не встать,

Земля сырая, липкая...

И надо мной Россия-мать

Качает дымку зыбкую.

У ОБЕЛИСКА

«Сергей ПЕТРОВ
1922—1941 гг.»

Созрела рожь
на бывшем поле боя.
Спокойно спит солдат,
землей храним,
А жизнь бурлит,
и шелестит листвою
березка белоствольная
над ним.
Она шумит,
и опадают листья,
как будто ордена, на холм
седой...
И утро целомудренно и чисто
над ним восходит раннею звездой.

ПЕТРОВ

1941 г.

Не на китах, а на Иванах

Стояла и стоит она!

Как мать, к могиле безымянной

Щекой прильнула тишина.

А чуть поодаль — две березы,

Как вдовы скорбные, стоят,

И не роса — земные слезы. А

На листьях, на ветвях дрожат.

О, сколько их, могил-курганов

Понаворочала война!

А в тех курганах спят Иваны.

И матерям их — не до сна.

млох вн, внэддо отдуд жвк

...нодос

отзмн н оннеддүмолед орту Н

.нодзеве оженнбд тндохсов мни дьн

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИМ

К. ХВИНГИЯ

По дорогам весенним разбитым,
А порою совсем без дорог
Шел солдат, что считался убитым,
Шел солдат — не идти он не мог!
Восемь суток без сна и без хлеба
Пробивался солдат к своим,
И чужое свинцовое небо,
Словно ворон, висело над ним.
И, казалось, сошелся клином
Свет на этих проселках глухих,
Пусть не все, но дошли до Берлина
Те, кто вычеркнут был из живых!

15/4/49

17 Ц Б С
г. Ленинск-Знацкий
ФИЛИАЛ № 7

КОСТЕЛ

Седой костел

Как старец древний —

Его не тронула война,

В его сырых, убогих кельях

Средневековья тишина.

У входа статуи-монахи

Стоят бессменно на часах,

Для них нет ни войны,

ни страха.

Не ружья — посохи в руках.

Лишь Мать божья,

как живая,

Глядит из ниши на солдат.

В ее глазах тоска земная

И вековая боль утрат.

И кажется, вот-вот промолвит:

«Не верьте в то, что бога нет!..»

На черепичной ветхой кровле

Разбрызган, будто кровь, рассвет.

* * *

На огонь, как на плаху,
Снег апрельский ложится.
И, не ведая страха,
Над войною кружится.
На горячем суглинке,
На останках седых
Умирают снежинки...
Час рассветный так тих,
Будто мирное время,
И войны вроде нет,
Все притихло, все дремлет...
Только падает снег.
И заносит, заносит
Чью-то боль, чей-то след...
Ночью было нас восемь,
Трое... встретят рассвет.

* * *

* * *

Завражному

Самокрутка горела,

Как светлячок.

Пуля-дура пропела —

И молчок.

И комбата не стало,

Жизнь закончила бег.

А над миром усталым

Шел задумчивый снег.

* * *

Как колчедановые горы,
Свалились годы на меня.
А время прет,
как поезд скорый,
На пир закатного огня.
И я иду, иду усталый
Сквозь рощу прожитых
мной лет.
А на снегах,
как щеки, впалых
Войны минувшей рваный след:
Едва приметные траншеи,
До боли близкие места.
И снова сердце коченеет
И сводит скорбь мои уста.
Ведь это здесь,
на этой пашне,
Полроты — будто бы косой.
И снова бьет озноб
вчерашний,
Озноб атаки лобовой.
Я, может, рад бы и забыть,
Вот только память...
Как с ней быть?

ПОД ЛИБОВОЙ
(власовцы)

* * *

Вот здесь нашла коса на камень,
Жестокий завязался бой.
Стояла Родина за нами,
За ними — бил морской прибой.
И, обреченные на гибель,
Они вросли в земную твердь.
У них один был только выбор —
Смерть, неминуемая смерть.
Мы здесь сошлись, будто в
кулачном,
Сошлись — не разойтись!
И мне впервые было страшно,
Нет, не за собственную жизнь.
Мы шли стеною друг на друга,
Тяжелой схватка та была...
Но очистительная вьюга
Дотла предателей сожгла!

ПОСЛЕ БОЯ

АННШНТ

Бой отгремел, но еще долго
Земля, как палуба, качалась...
А окровавленные волны
Таранили бетон причала.

Они катили вал за валом,
Как вражьи цепи, шли и шли,
Но одолеть бетон причала
Морские волны не смогли.

А мы смогли, мы одолели
Врага и ветер штормовой,
Мы прорубили к морю двери
И — пусть беснуется прибой!

ТИШИНА

Еще вчера была война,
Еще вчера смерть лютовала,
А нынче зыбкая волна
Баркас качает у причала.
Как лист опавший, шелестит
И мирно лижет серый берег...
У моря человек сидит,
И человек еще не верит,
Что все прошло, что нет
войны,
Что он живой,
что он вернется.
От непривычной тишины
Он тихо плачет и смеется.
А море ласково шумит,
И волны плещутся о берег...
У моря человек сидит
И в тишину еще не верит.

Евг. БУРАВЛЕВУ

Кенигсберг. Сорок пятый,
Помнишь, друг мой, тот бой?
Боль и радость той даты
Не забыть нам с тобой.
Через тридцаты и сорок —
Не забыть, не забыть!
Словно ржавый осколок,
Будет память хранить
Те последние метры
И последний тот вздох.
Кто-то должен был первым
Бросить сердце вперед.
И бросали, горели
Мы на черном огне.
Как могли, как умели
Мы служили стране.
О, Россия!

Пусть будет
Вечным мир над тобой!
Пусть спокойно спят люди
На земле, под землей.

Взорвали дуб,
 На мостовую, как на плаху,
 Взметнувшись, рухнула
 Седая голова.
 Растаял дым,
 И обездоленными птахами
 Кружилась, падая,
 Тревожная листва.
 Взорвали дуб,
 Сочатся болью корни,
 Как будто в венах
 Кровь земли кипит.
 ...Прошла война,
 На месте черной скорби
 Дубок-подросток
 Вновь листвою шумит.

ИЮНЬ 1945-го

Я был тогда мальчишкой
беспечным:

Погонами, медалями форсил.

Но эту на глухом разъезде

встречу

И до сих пор, признаться,

не забыл.

Июнь... Вовсю грохочут

эшелоны:

«Покончено, покончено

с войной!»

А человек на каменном

перроне

Был воплощеньем горести

людской.

Сидел на самодельном

самокате:

Четыре ролика

и две доски.

И, смолкнув, мы смотрели

виновато

На эту боль,

зажатую в тиски.

А где-то в горьковатых

синих травах

Кузнечик безмятежно

стрекотал.

...Так я узнал, что есть в победах

траур,

В пятнадцать лет впервые я узнал.

Как море, дорога
 Качает вагон.
 Ни черта, ни бога —
 Летит перегон.
 Бьют азбуку Морзе
 О рельсы колеса.
 И падают звезды
 В осенние росы.
 Я падаю тоже
 И снова встаю!
 И — сабля из ножен
 Как прежде в бою!

как летит

Туда же

И снова

И снова

Как

Встаю

По

как

Сяду

И снова

На

Мелькают за окнами сосны,
Разъезды вдогонку бегут.
Как все это сложно и просто:
Сквозь годы нас в юность
везут.

Везут... колоколят колеса,
Промокшие версты шуршат.
Уставшие, будто с покоса,
Гвардейцы-товарищи спят.
А мимо, как пули, со свистом
Товарные мчат поезда.
И снова во мне, как прежде,
как горнисты,

Трубят грозовые года.
И снова окопные будни,
И снова тринадцать мне лет...
Как песня, рожденная трудно,
Встает над землею рассвет.
По нивам ржаным,
как пехота,

Седые туманы ползут...
И снова гвардейские роты
На штурм Кенигсберга идут.

* * *

Лабас ритас*, леса и доли!

Лабас ритас, Дубиса-река!

Мы из той,

из кромешной доли,

Из смертельного далека.

Мы по этой земле,

как черти,

Мать божью кляня,

ползли...

Если скажут: убиты, —

Не верьте!

Долго, просто долго мы шли.

* Лабас ритас — доброе утро (литовск.)

По осеннему небу хмуро
Бомбовозы плывут – облака.

Небольшая речушка Юра,
И войны небольшая строка.
Небольшая...

Сейчас так кажется,

А тогда – пойдя перейди!

Колобродит,

бурлит,

куражится,

Взбеленили ее дожди.

Помню: обшарпанный выступ,

Бьющий с левого берега дзот!

И – лихорадочный приступ,

Атака...

Сорок четвертый год.

ПОД КЯЛЬМЕ

Эту землю я мерял шагами,
Ну а больше — на брюхе прополз!
В эту землю, покончив с врагами,
Как корнями, я памятью врос.
Ей, Литве, говорю я ачу*
За второе рождение мое.
И опять, как мальчишка, плачу,
Видя это под Кяльмой жнивье.
Здесь во ржи, в окопчике темном,
Я лежал недвижим, как сноп.
И казалось, что мир огромный
Стал вдруг маленьким, будто гроб...
Распахали войну кельмесцы,
Колосится веселая рожь...
Но остались навечно в сердце
Те окопы, от них — не уйдешь.

* Ачу — спасибо (литовск.)

* * *

О чем-то тихо шепчут сосны,
Внизу, у речки, хутор спит.
А здесь, на воинском погосте,
Как память — женщина сидит.
Я говорю ей: Лабас ритас!*
И тихо рядышком сажусь,
И безголосую молитвой,
Как богу, женщине молюсь!
На этот холмик безымянный
По божьей воле иль своей —
Она приходит постоянно,
Как мать к могиле сыновей.
Она по-русски плохо знает,
Я по-литовски пять-шесть слов.
Но скорбь людей объединяет,
Порой сильнее, чем любовь.
Туман над речкою редет,
Редет памятный люд...
Неужто мы, как иудеи,
Впадем в беспамятство и блуд?
О чем-то вечном, сокровенном
Дубиса светлая шумит.
На тихом кладбище военном,
Как память — женщина сидит.

* Лабас ритас — доброе утро (литовск.)

В КИРХЕ

* * *

С высоких стен святые лики
Бесстрастно на меня глядят.

На фресках солнечные блики,
А в нишах воробьи пищат...

Они о той беде не знают,
Да что им, птахам, до войны.

Живут, как ангелы порхают,
Среди икон и тишины.

А кирха эта была дотом,
Не пастор службу правил в ней...

Война — тяжелая работа,
Работы нету тяжелей.

* * *

Ветеранам 16 Литовской

стр. дивизии

И пусть я не в Нямуском крае —
Близ шорских отрогов рожден,
Мне эта земля не чужая,
Я кровью был с ней породнен.
Мне эта земля не чужая,
И я из Сибири самой,
Не в гости сюда приезжаю,
А к матери словно — домой.
И радуюсь радостью светлой,
И светлые строки пишу,
Но огненные километры
В себе, как осколки, ношу.
И пусть нас не раз отпевали,
Не раз хоронили живьем,
И все-таки мы устояли!
Мы выжили здесь, под огнем!
Спасибо за дружбу, ребята,
За память, за хлеб и за соль.
Спасибо, седые солдаты,
За общую радость и боль.

А может, не было войны,
А может быть, была когда-то?
Но мне все чаще снятся сны
И убиенные ребята.
Разведчики... Их нет давно,
А я живу, спасенный ими.
И на войну хожу в кино,
Чтоб снова видеть их живыми.
Хожу, чтоб вновь переболеть
Той дикой болью и утратой,
Чтобы душой не очерстветь,
Не растерять того, что свято.
Чтоб не забыть их имена,
Да и себя, мальчишку, тоже.
Чтоб снова Дрыга, старшина,
Мне выговаривал построже.
А может... Нет, жизнь не кино,
Ее назад не прокрутить.
И память — горькое вино —
Мне суждено до дна испить.

* * *

* * *

У памяти, друзья, нет срока,
Она бессрочна и бесстрашна.
Она порою и жестока,
Но в правоте своей прекрасна.
Ни на какие компромиссы
Живая память не идет,
Она всегда, как ротный писарь,
Учет добру и злу ведет.

Среди застолья, звонких

тостов

Вдруг сердце начинает ныть...

Нет, жизнь прожить совсем

не просто,

А то, что прожил, —

Не забыть!

Оно в душе, в ее глубинах,

На самом дне таится там

И вдруг взрывается,

как мина

И весь покой летит к чертям.

И подступает снова холод,

Железный холод черных лет,

И отболевшее, как молот,

Стучит всей мощью старых бед.

И ты опять лежишь под Лугой

В болотной жижице гнилой,

А на плече — рука подруги,

Но ты не здесь, там пир другой...

ПЕРЕКОП

На Турецком валу тишина,
Будто рваные раны — окопы.
На висках у солдат седина,
За плечами солдат —
пол-Европы.

Сорок лет отшумели, как ветры.
И казалось...
но рядом война.

Вот они: с боя взятые метры,
А на плитах — друзей имена.

И опять, как тогда, на рассвете
«Бог войны» оборону взломал,
По сигналу зеленой ракеты
Батальоны на приступ поднял.
Отгремела, ушла война,
А из памяти не уходит!

Тишина,

тишина,

тишина,

Как сестра милосердия, бродит.

СЕВАСТОПОЛЬ

Здесь каждый камень полит кровью,
Слезами скорбными омыт.
Стою, распят тяжелой болью,
А флотский город мирно спит.
Лишь корабельные огни,
Будто сигнальщики, мигают,
И, как подлодки, штурма дни
Передо мной опять всплывают.
И, кто на чем, плывут, плывут
По бухте Северной ребята,
И снова с Графской пушки бьют
И сухо режут автоматы.
...Рассвет. Над бухтой тишина.
Как кровь — роса на обелисках.
Для нас, седых солдат, война
Опять сегодня стала близкой.

* * *

Все меньше нас,

все уже

крещенных битвой

круг.

А человеку нужен,

как воздух, нужен

друг.

Такой, кто без боязни

в огонь и воду за тобой.

Хороший друг —

как светлый праздник —

лишь раз дается нам судьбой.

И пусть на вид суровый

и на слово скупой,

но, как в бою, готовый

тебя прикрыть собой.

* * *

* * *

Мих. БОРИСОВУ

Мы с тобой из-за парты
На войну уходили.
Не в вагоне плацкартном
Мы по жизни катили.
За отцовскими спинами
Мы не прятались, нет.
Становились мужчинами
Мы в четырнадцать лет.
Жили — грудь
нараспашку, —
Себя не щадили.
Говорят, мол, в рубашке
Нас мамы родили.
Может быть, и в рубашке,
Но она — не броня.
На могилах ромашки,
А в могилах друзья...

ВETERАНЫ

Над Россией туманы,
Словно годы, плывут.
Среди нас ветераны,
Как легенды, живут.
Отшумели бураны,
Улеглась боль войны.
Только им, ветеранам,
Снятся черные сны:
И, как прежде, комбаты
Их в атаку ведут;
И, как прежде, солдата
Где-то матери ждут.
Через годы и страны,
Через крик тишины,
Как седые курганы,
Все идут ветераны,
Все идут ветераны,
По дорогам войны.

Словно сорок ступеней —
Сорок прожитых лет.
Годы взлетов, падений
Ложатся след в след.
В жизнь-поэму ложатся,
Как верста за верстой...
Не могу прибедняться —
Я доволен судьбой.
Все, что было, — приемлю,
Ничего не стыжусь.
Я люблю эту землю
С гордым именем Русь.
И горжусь, что причастен
К ее добрым делам.
С ней делили мы счастье
И беду пополам.
Разве мог бы осилить
Без нее я свой путь?
Для меня в ней,
в России, —
Жизни главная суть.

ЭХО

На отшибе, под горой,
Рубленка слепая.
В ней живет горюн седой,
Боль войны живая.
Дед поклоны бьет ветрам,
Солнцу и деревьям,
Поклоняется камням,
Как язычник древний.
Дед, конечно, не святой:
Водку пьет и курит.
И пустил нас на постой
Просто так, Меркурий.
У него беда была —
Четырех сынов взяла.
Бобылем остался,
Вот и помешался.
Не совсем, но иногда
Сумерки бывают:
Черной тучею беда
Разум застигает.
И тогда седой горюн
Бродит по округе:
Нелюдимый, как колдун,

Бьет поклоны выюге.
С кедром вдруг заговорит,
Как со старшим братом...
Сорок лет душа болит,
Сорок лет она горит
На костре утраты.
Не постичь беду умом,
Сердцем боль проверьте!
Как в патроннике глухом,
Носит дед в себе самом
Все сыновьи смерти.

Н
Просто так, Мёрзучий.
У него ведь стая
Растёт сейчас хвосты
Бобров остаются,
Вот и поменялся.
Не совсем, но много
Смерки бывает:
Рядом тучно беда
Разум эстетичен.
Н
Бродит по округе:
Рискованья, как коту,

ОТЦУ

Я помню,
Как войне навстречу
Ты на рассвете уходил,
Как самокруткой над заречьем,
Припав к реке, туман дымил.
А мы стояли у излуки,
Как цепью, связаны бедой,
И вслед тебе тянулись руки
С одной надеждой и мольбой...
Ты не пришел, ты не вернулся,
Но продолжаешь жить во мне —
В моем дыханье, моем пульсе,
В моих стихах, в моем труде.

* * *

Милый доктор! Сделай милость,
Отпусти меня домой.
В поле рожь заколосилась,
И страда не за горой.
Я ведь сын лесов и пашен,
Мне без них конец, каюк.
А еще у женки Паши
Только две — не десять рук.
Не могу, поверь солдату,
Харч впустую изводить.
У меня не с краю хата,
Не приучен с краю жить.
Ну, а хвори! К черту хвори!
Это все она, война,
Затуманила мне зори,
Как густая пелена.
Отпусти же, сделай милость,
Здесь лежать — не та пора:
В поле рожь заколосилась,
И земля зовет с утра...

СОСЕД

Скрипят за стенкой половицы —
Давно знакомый диалог.

Опять Иванычу не спится,

Опять, как видно, занемог.

Он воевал, и есть награды...

А что еще? Чем жил сосед?

Жизнь состоит не из парадов —

Из наших радостей и бед.

Мы вроде люди не глухие:

О долге, чести говорим...

Не спит сосед, и мне впервые

Неловко стало перед ним.

А за стеною половицы

Скрипят. Соседу не до сна:

В нем, как живая, шевелится

Давно минувшая война.

Друзья погибшие, как тени,
Идут за мной из года в год.
Идут, как в день Поминовенья
Идет на кладбище народ.
Идут... Иначе быть не может!
И ты, и я подсуден им.
Ведь их, наверное, тревожит,
Как мы живем, как память чтим?
И помнят ли дедов их внуки,
Что их давно переросли?
А может, сорок лет разлуки
Святую родственность сожгли?
Тогда откуда эти «панки» —
Значки-кресты нацистские?
И, как поветрие «испанки», —
Сужденья нигилистские.
Нет! Их, погибших, непременно
Волнуют наши нелады.
И потому порой весенней
Идут на родину деды.
Они идут из-за границы,
За сотни, тыщи верст пешком,
Могилам предков поклониться
И посмотреть, как мы живем.
А мы живем... Судите сами,
Я не могу быть вам судьей.
Одно усвоил я, что память —
Родник истории живой.

* * *

Отвоевал... Лежит на печке
Вторую зиму наш сосед.
Весной сползает на крылечко,
Чтоб поглядеть на белый свет.
И надо видеть, надо видеть
Его ожившие глаза!
Ни зависти и ни обиды,
Лишь иногда сверкнет слеза.
Он эти пажити и нивы
Мальчонкой юным защищал.
Здесь прожил жизнь
И был счастливым —
Трех сыновей России дал.
А где они, те сыновья-то?
В больших осели городах.
И хворью, памятью распятой,
Он здесь один, как пень в кустах...
Нет, не пеняет он на боли
И на забывчивость детей.
Зайдешь к нему — и он доволен,
И очень рад солдат Евсей.
Усадит, позабыв про старость,
Расспросит, добрый даст совет...
Что сделалось, что с нами случилось? —
В своей душе ищу ответ.

СТАРИКИ

Опять сошлись седые критики,

Мои соседи-старики.

Опять толкуют о политике,

Как будто вновь идут в штыки.

Со стороны: ну, как мальчишки!

Но это лишь со стороны.

А ты узнай-ка их поближе,

За их плечами — две войны!

Они лишь с виду, брат, простые,

Они застенчивы порой.

А ведь они не раз Россию,

Не раз, не чем-нибудь — собой!

Люблю я эти битвы-споры

И этих пылких стариков,

Земную суть их разговоров

Беру в строку своих стихов.

* * *

Они, друзья, кто свою
верность
В огне военном закалял,
Приходят к нам, когда нам
скверно,
Когда гудит девятый вал...
Когда беда —
шальная глыба —
Тебя готова раздавить,
Когда ты сам себя на дыбу
В отчаянье готов тащить,
Они приходят тихо-тихо
И на гитарах не бренчат.
Солдаты, видевшие лихо,
Садятся рядом и молчат.
И по кругу сигарка ходит,
Войной проверенный бальзам...
Как жаль, что истина приходит
Порою слишком поздно к нам.

КАДИЕВКА

Брату Юрке

Дымят, как прежде, терриконики,
Знакомый горьковатый дым...
В отцовской старенькой буденовке
По тихим улочкам твоим
На коне — прутке березовом
С шашкой наостренною
Ускакало детство розовое
В непогодь зеленую.
В непогодь зеленую,
В непогодь колючую,
В юность эскадронную,
В лихолетье жгучее.
Ускакало, ускакало,
Пыль осталась на висках...
Мне навстречу, как бывало,
Катит детство на «конях».
Рубит, мнет безбожно лютики,
Как взаправду на войне...
Ах вы, кони, кони-прутики!
Растравили память мне.

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Я вчера, мой приятель,
Письма с фронта читал.
Их отец в сорок пятом,
В апреле прислал.
Эти письма, как факел,
Осветили мне память.
Я читал их и плакал,
Как тогда моя мама,
Когда нам похоронку
Дед Силантий принес.
У меня, у мальчонки,
Тогда не было слез.
А теперь вот прорвало,
Я от боли прозрел.
И над письмами старыми
До утра просидел.
До утра громыхала
В моем сердце война,
И память, как тралом,
Поднимала со дна:
Наши горести, беды,
Быт окопный, крутой...

Пять минут до Победы
Не дожил батюшка мой.
Пять шагов до вершины
Не дополз рядовой...
Подорвался на mine,
Был сапер предок мой.
...Нам остались скупые
Эти письма войны...
Где же память, Россия,
Победившей страны?!.

* * *

Мне никуда, друзья, не деться
От той беды, что память жжет.
Войной расстрелянное детство
Мне вопреки во мне живет.
Живет, как мать, которой нету,
Как дед, что где-то под Москвой...
А над землей шумят рассветы,
И мы шумим между собой.
О чем шумим, о чем скандалим?
Жизнь коротка, как зимний день...
А мы родных, друзей печалим,
Порой на Свет бросаем тень.
Жизнь коротка...
Спешите, люди!
Творить добро, любить, жалеть...
Легко соседу сделать худо,
Труднее ближнего согреть.

* * *

Брату Михаилу

Ты ел когда-нибудь макуху
Или лепешки с лебедой?
Нет, ты не знаешь той житухи,
Ты не ходил с пустой сумой.
Ты не менял на хлеб пожитки,
Тебе легко сейчас судить.
А в нашей памяти, как слиток,
Лепешка горькая торчит.
О хлебе не было и речи,
Хлеб был тогда в большой цене,
Еще дороже человечность
Ценили люди на войне.
И чем могли: теплом и крышей
Они делились меж собой.
Сердца, сердца наши мальчишечьи,
Отогревали добротой.
Кусок последний не жалели,
Не оставляли про запас.
И как могли и как умели
Они добру учили нас.
Нельзя топтать, братишка, память
И мазать дегтем все подряд.
Ведь брошенный тобою камень
Не бумеранг, а камнепад.

Не раз о черствость, как о стену,
Я лоб горячий расшибал.

Не раз, друзья, за откровенность
Я оплеухи получал.

Мне б видеть мир от зла свободным.

Но оттого в сто раз больней,
Что подлость в платье

благородном

Еще жива среди людей.

Под пулями все было проще:

Я знал врага, а враг меня.

И на войне гуляла пошлость,

Но не на линии огня.

Там, под огнем, равны мы были:

И генерал, и рядовой,

Перед народом и Россией,

Как перед матерью родной.

МАТЕРИ

Руки матери — старые ветви.
Труд и скорбь иссушили их.
На ладонях глубокие меты,
Словно шрамы от ран боевых.
На ладонях,
А в сердце их сколько?
Трех сынов порешила война.
Носит мать эту боль,
Как осколки,
Носит в сердце печаль она.
Руки матери — добрые руки!
Я, безбожник, на них молюсь.
Завязались узлами муки...
И, мне кажется, мать —
Это Русь.

ЮЛЬКИНА ВЕТЛА

Зарубки радости и скорби,
Зарубки зла и доброты
Переплелись во мне, как корни,
Моей и Юлькиной ветлы.
А было это, дай бог память,
В тот предвоенный, роковой.
Мы сдали первый свой экзамен
И шли счастливые домой.
Вдруг Юлька бросила призывно:
Давай посадим деревцо!
Мне показалось светлым, дивным
Ее горячее словцо.
Теперь бы Юльке было сорок,
Но нет ее — война сожгла.
Облюбовав ее пригорок,
Мне машет весело ветла.
Как в юность — синее безбрежье
Она зовет меня, зовет.
Туда, где чья-то песня нежная
Над тихой заводью плывет,
Плывет она над тихим плесом,
В живой купаясь лунности...
Звенит во мне, как отголосок,
Давно минувшей юности.

* * *

Ты щедро,

как утренним светом,

Меня одарила теплом.

Не знаю, была ли согрета

Моим неокрепшим огнем?

Шумели весенние грозы,

И бог, «бог войны» лютовал...

А мимо катили обозы,

Наш полк за Донец отступал.

Ты где-то потом затерялась,

А может?... Храни тебя Бог!

Ты светлой страницей осталась

Тяжелых, как полночь, дорог.

Но светом, идущим оттуда,

Из той неуютности злой

Не женщиной — маленьким чудом

Опять ты стоишь предо мной.

Скупые осенние краски

По крышам закат расплескал,

Ищу я на хуторе Красном

Все то, что давно потерял.

* * *

Пятьдесят...

А кажется, вчера

Только перестали лаять

Пушки.

Пятьдесят...

Смеется детвора,

Обсуждают новости

Старушки.

Пятьдесят

Нелегких мирных лет

Ты несла, не сгорбившись,

Россия!

Пусть же будет над тобой

Рассвет,

Как улыбка детская,

Счастливым.

28	«Взрывцы дуб...»	
27	«Июль 1942-го»	
26	«Как море, доброты...»	
25	«Моя жизнь за окнами сосны...»	
24		
23		
22		
21		
20		
19		
18		
17		
16		
15		
14		
13		
12		
11		
10		
9		
8		
7		
6		
5		
4		
3		
2		
1		

СОДЕРЖАНИЕ

«Он родился в пламени, в пороховом дыму...»	5
«Наша память — не гранит холодный...»	9
Землянка	10
Маки	11
«Юность, юность...»	12
«Мне о любви бы, о весне...»	14
У обелиска	15
«Не на китах, а на Иванах...»	16
Без вести пропавшим	17
Костел	18
«На огонь, как на плаху...»	19
«Самокрутка горела...»	20
«Как колчедановые горы...»	21
Под Либавой (власовцы)	22
После боя	23
Тишина	24
Кенигсберг	25

«Взорвали дуб...»	26
Июнь 1945-го.....	27
«Как море, дорога...»	29
«Мелькают за окнами сосны...»	30
«Лабас ритас, леса и доли!..»	31
«От Шяуляя до Шилути...»	32
Хутора.....	33
«По осеннему небу хмуро...»	34
Под Кяльме.....	35
«О чем-то тихо шепчут сосны...»	36
В кирхе.....	37
«И пусть я не в Нямуском крае...»	38
«А может, не было войны...»	39
«У памяти, друзья, нет срока...»	40
«Среди застоля, звонких тостов...»	41
В кино.....	42
Перекоп.....	43
Севастополь.....	44
«Все меньше нас...»	45
«Мы с тобой из-за парты...»	46
Ветераны.....	47
«Словно сорок ступеней...»	48
Эхо.....	49
Отцу.....	51

«Милый доктор! Сделай милость...»	52
Сосед.....	53
«Друзья погибшие, как тени...»	54
«Отвоевал... Лежит на печке...»	55
Старики.....	56
«Они, друзья кто свою верность...»	57
Кадиевка.....	58
Старые письма.....	59
«Мне никуда, друзья, не деться...»	61
«Ты ел когда-нибудь макуху...»	62
«Не раз о черствость, как о стену...»	63
Матери.....	64
Юлькина ветла.....	65
«Ты щедро, как утренним светом...»	66
Солдатки.....	67
«Пятьдесят... А кажется вчера».....	68

32 «...тсрлвны йблелд С...од йлплМ»
33дсрлв
34 «...ннет жак эмцл дполн влзууд»
35 «...вжрал вл тжжлП ... пвллвлатО»
36	Литературно-художественное издание
37 «...тронлвв околв отк йлзууд, ннО»
38	МАМАЕВ Владимир Михайлович
39	З Е М Л Я Н К А
40 «...лчлвлд йл йлзууд йдулнн йлМ»
41	Стихи
42 «...лчлвлд йлзууд йдулнн йлМ»
43	(1960—1995 гг.)
44 «...лчлвлд йлзууд йдулнн йлМ»
45 «...лчлвлд йлзууд йдулнн йлМ»
46 «...лчлвлд йлзууд йдулнн йлМ»
47 «...лчлвлд йлзууд йдулнн йлМ»
48 «...лчлвлд йлзууд йдулнн йлМ»

Редактор **В. В. Махалов**

Корректор **Н. В. Тиунова**

Технический редактор **В. И. Труханова**

Оформление обложки **А. Р. Петрушев**

Компьютерная верстка **О. А. Кузнецова**

Сдано в набор 20.07.2000. Подписано к печати 21.08.2000.
 Формат 60x84¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Journal Sans».
 Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 1,5.
 Тираж 400 экз. Заказ № 338

Издательство «Кузбассвузиздат». 650043 Кемерово,
 ул. Ермака, 7. Тел. 23-34-48

29-51